

Печеники в печенках...

— Красота!.. — приятным шепотом ахает наша гостья. — Просто чудо! — и вдруг удивляется: — Пойдите! Вы что? Накрахмалили детское постельное белье?!

Мы с дочкой в ответ улыбаемся. Да. Накрахмалили, отгладили и постелили. Двухлетний мой внук спит сейчас на нем, как нежно-румяный ангел. Особенно хороша подушечка с наволочкой, которой страшно сказать сколько лет. По углам у нее изумительная ручная вышивка. Вокруг спящей головки — нимб белого сияния кружевных батистовых прошв. Еще тех, настоящих, что сохранялись в семье со времен моей бабушки Тины, прапрабабушки этого спящего младенца. Если бы не крахмалили, вряд ли бы это чудо еще сохранилось...

...Мне десять лет, моей бабушке Тине пятьдесят семь:

— Боже мой! Если бы это увидела мадам Печеник!.. — восклицает бабушка Тина, воздев глаза и руки небу, а в руках у нее мой белый школьный передник. — Так, рыба золотая! Неси-ка кружку воды. Я таки научу тебя, как нужно гладить такие вещи...

— И это мытое окно? Боже мой! Если б сквозь него глянула мадам Печеник!.. — снова восклицает бабушка Тина. — Солнце мое, смотри, как это делают в приличных домах.

Ну, разумеется, у Печеников. Как будто все на свете стоит на Печениках и в Печеников упирается. Эти Печеники у меня уже в печенках! И не только у меня.

— Ты что это делаешь?! — бабушка ловит за руку моего брата, а у него в этой руке шланг для полива, или, как часто говорят в Одессе, "кишка". — Рыба моя! Сейчас же положи кишку в лунку под цветы. Георгины обильно поливают снизу, а ты на них сверху еле цвиркаешь. Видели бы это Печеники!..

— Господи! Кто так мажет масло на хлеб?! Ты его запачкала, а не намазала, — бабушка забирает из маминых рук хлеб, снова намазывает, добавляет сверху ложку густого меда, вмешивает его в масло и дает мне, а маме

наказывает: — Делай так для нее в своем Питере, чтоб она была здорова! Какое счастье, что Печеники не могут видеть нашу шкилятину!.. И это в сытое время!

Шкилятина — это я того времени. А кто такие "бабушкины Печеники"?

Печеник — фамилия семейства врачей. Они были известны и уважаемы в Одессе в начале двадцатого века.

В горничных у них была бабушкина тетя. Часть родни тети была из Василевки, что недалеко от Выгоды. Тетя раз в год туда наезжала. Как-то раз на свой страх и риск она вернулась оттуда в Одессу с больной и полуживой десятилетней Тиной. Печеники еле выходили девочку и были этому рады. Теперь могут радоваться потомки этого ребенка. Спасибо Печеникам. И дело повернулось так, что Тину они оставили в своем доме.

Детские пальчики оказались радостно старательны, были способны к домашнему труду и рукоделию. А еще выяснилось, что любой текст, в котором есть намек на человеческие переживания, этот ребенок читает вслух с необычайным выражением. С тех пор в течение девяти лет Тина каждый вечер читала вслух для мадам Печеник, у которой за день уставали глаза. А мадам объясняла девочке то, о чем она читала. Неудивительно, что отношение к чтению как жизненной потребности передалось ребенку. А потом его потомкам напрямик "в печенки". Теперь оттуда Печеникам проистекает горячая благодарность.

Когда у шестнадцатилетней Тины появился кавалер, он был одобрен Печениками по всем пунктам. И за это им тоже спасибо.

Был Виктор из семьи мастеровых людей, Печеникам известной. Сын Антона и Каролины Гонтариков, поляков по происхождению. Отец его — знатный сапожный мастер "на дамскую ножку", мама — искусная белошвейка. На тот момент весьма успешные мастеровые люди, но сначала...

...А сначала поляк Антон Гонтарик оттрубил двадцать пять лет солдатской службы в российской царской армии. Сам он был родом из Гмины Баруховой, что под Варшавой. Но после армии оказался в Одессе, там и остался. Начинать для того времени обыкновенно — биндюжником. Полька Каролина тоже была там обыкновенной прачкой, когда он взял ее замуж. Таков был их старт к мастерству и к личной клиентуре.

Когда Виктор встретил Тину, его родители уже вырастили пять дочерей и двоих сыновей. Каждому дали и грамоту, и дело в руки. Виктор был самый младший в семье и на семь лет старше Тины. Он успешно и обходительно ухаживал за ней без малого три года. Приличные манеры и сред-

нее образование Виктор получил в частной школе для детей поляков. Была тогда такая в Одессе. И учился Виктор в ней, мягко скажем, под ворчанье отца. Тот считал, что церковноприходской школы уже достаточно. Зато учился Виктор в охотку и блестяще. Может, сопротивление отца и подначивало...

С Тиной Виктор познакомился уже после знаменательной службы в армии, которую проходил в Петрограде. Почему она знаменательная? Ну, начнем с того, что город Санкт-Петербург превратился в Петроград прямо по дороге Виктора в пункт назначения на место службы. Служил там Виктор в качестве водителя дивизионного мотора. В смысле — автомобиля, это было начало 1915 года. А потом ему "повезло" оказаться в эпицентре революционных петроградских событий октября 1917 года. Тогда он днем и ночью возил туда-сюда начальство всех революционных окрасов и рангов. Думаете, по очереди? Как раз чаще одновременно. Как это может быть? А так же, как это происходит сегодня, особенно в канун всяческих политических выборов. Это с экрана мы видим "принципиальных борцов" по разные стороны от баррикад. А где-нибудь в укромном месте (как тогда, скажем, "в моторе") они деловито торгуются за личную власть. Заключают обыкновенные сделки — покупают и продают. Друг друга в том числе.

Виктор близко рассмотрел это "с двух боков": со стороны и изнутри. Так что, наши "пионерские" попытки притянуть его куда-нибудь в качестве участника "взятия Зимнего" дедушка Витя всегда категорически пресекал. А его таинственные слова о власти зацепились "за печенки" раньше, чем дошли до головы: "Власть — торговая шобла. Того, кто в нее влип, может сделать моральным калекой или натуральным бандитом. И неизвестно еще, кто из них больше зла наделает".

Судьба распорядилась так, что служба для Виктора окончилась в смутном 1918 году. После не очень тяжелого ранения он вернулся в Одессу. С тяжелым отвращением к политике и революциям. Кажется, очень вовремя вернулся...

...Наконец, 2 февраля 1924 года Печеники как названные родители Тины отдали свою воспитанницу замуж за Виктора Гонтарика. По всем правилам и даже с приданым (как раз оттуда в недрах семьи и сохранилась та вышитая детская наволочка). Кстати, день в день, но через 50 лет, дата этого бракосочетания стала уже датой моей свадьбы. Разумеется, подгадали заранее, дедушка с бабушкой были еще в добром здравии. И на "свадьбе в квадрате" их чествовали эмоционально насыщенной, чем нас, молодоженов-внуков.

Поэтому переживали мы событие сознательнее. То есть намного острее. А еще "печенки" сами в тот день непрерывно Печеников вспоминали. С благодарным изумлением. Может, души их за нас радовались...

...А к Тине со временем стали обращаться Христина Никифоровна. Затем "тетя Гонтаричка". Школа эстетики и этики Печеников легко приняла "в печенки" традиции Гонтариков. И давно передавалась уже не только их потомкам. Многие образцы этого оседали в соседских семьях разноплеменных и разночинных жителей на Бугаевке и на Фонтане. Кое-что, может быть, тоже им прямо "в печенки". Вместе с "веками проверенной" выкройкой детского чепчика или рецептом форшмака "не на каждый день".

Дочь Виктора и Тины, моя мама, делилась "Печениками из печенок" точно так же. Но географически это было уже шире — от Курил до Питера, где она побывала с мужем военным летчиком после 1945 года. В Питере мой отец и вышел в запас, что перекликнулось с армейской службой деда. Наконец, наша семья вернулась на местожительство в родную Одессу. И бабушкина прямая трансляция "наследия Печеников в печенки" стала круглогодичной.

— Боже! Чтоб так не уметь потерпеть!.. — восклицает бабушка Тина. — Разве можно девушке самой идти в дом к парню?! Видела бы эти "новые нравы" мадам Печеник! Слег с температурой? Ой, я тебя умоляю! Кому нужны эти мансы? Тоже мне, нашла толстый повод — "проведать сокурсника". И что это за романтика — целоваться с парнем, когда у него заразный насморк?

Да уж. Прямо "в печенки". Бабушка Тина, как крючком для вязания, цепляла "за шкуру" наши молодые самообманы, искренние и не очень. Школа мадам Печеник! Прямо говорить, если кто-то в ущерб себе обманывается. И терпеливо намекать, когда тебя сознательно обманывают: "давать фору" — шанс глубже не вляпаться.

Как-то раз в начале замужества я прибегаю к бабушке Тине в жуткой обиде на свекровь. Бабушка, как всегда, улаживает это сначала у меня изнутри:

— Ша! Это не конец света, это начало быть тебе умной. Да, тебе! — я заливаюсь слезами, бабушка деловито вытирает мне платком нос, обнимает и говорит: — Послушай, что говорила мне здесь мадам Печеник. И запоминай всеми фибрами. Ну? — бабушка слегка отстраняется, проверяя, готова ли я ее услышать. — Вот, умница! Теперь запомни: свекровь — не твоя мама, — я дергаюсь: "знаю", а бабушка смеется. — Тю, тлумак! Головой знать — еще не фибрами! Как "ну и что", что не твоя мама? Сразу лег-

че уважительно стерпеть от нее все что угодно. И у тебя внутри никакой драмы. Проверь! — я вздыхаю уже легче, а бабушка вдруг пафосно "добивает": — Но еще крепче запомни, что это — мама твоего мужа. Ой, молчи мне про банальность! — морщится бабушка на мою реакцию. — Банально — это знать про лужу и ляпнуться в нее. Мало ты про это уже знаешь?! Мадам Печеник говорила... — я не утерпела: "ну, все, опять!", а бабушка смеется: — Не "все опять", а "еще не все"! Запоминай. Мама мужа идет в придачу к мужу, как нос у всех идет в придачу к лицу. Что, тебе закортило это поменять?! Имей терпение. Никакого хая на маму и никаких коников мужу. Тогда он сам увидит, где его мама неправа. Сам! И это будет уже его прыщик! На его носу! И скорее всего, он таки да его не захочет. Ты меня поняла, солнце мое?

Так бабушка Тина помогала смотреть "сразу в обе стороны". И это работало намного дальше, чем для этого случая или для меня одной. Скажем, был когда-то за дедушкой участок на Каролино-Бугазе с дачным домиком. И летом там наступало "вавилонское столпотворение". Приезжали родственники с детьми и с друзьями, сослуживцы со всех мест от Курил до Питера. Так вот, многие потом "брали моду" переписываться с Христиной Никифоровной лично. И не один год! А я перестала удивляться этому не так уж давно.

Кстати, дедушка Витя так и не успел узнать, что СССР пропал с карты мира. А я сокрушалась, что бабушке Тине пришлось пережить еще и это. Она меня тогда "утешила". И начала, конечно, традиционно:

— Еще Печеники говорили, у каждого поколения своя торба с испытаниями. Это снаружи они у всех разные. Больше, меньше. А сунься глубже — вытрани любое испытание. И что? Увидишь — одно и то же. Туда или сюда...

— Что — "туда-сюда"? — я не понимаю.

— Чего ты глазами клипаешь? — смеется бабушка Тина и показывает рукой на старинные настенные часы. — Смотри сюда. Видишь маятник? Качнется в одну сторону до упора — обратно само потянет. Главное, чтоб с подвеса не слетел.

— А если не слетел, а просто остановился? — я легкомысленно посмеиваюсь.

— Не строй насмешек, — улыбается бабушка. — Сама знаешь — чтоб тикало, завод нужен. Для каждых часов свой ключик.

Я уже давно не слышу бабушкиного голоса с упоминаниями о Печениках. Но "шкала" их качественности "в печенках" сама хранится. Как стремянка в хозяйстве, чтоб доставать повыше. Тут на какую бы перекладину

ни залезть, главное, саму стремянку не завалить. И чем выше, тем труднее держать равновесие. Обыкновенный закон тяготения. Его ни на какой козе не объедешь. Работает он и для "шкалы" Печеников. На все их образцы есть "антипеченики" внутри своих собственных "печенок".

Вряд ли возможно установить имя того, кто придумал стремянку. И Печеники тоже совсем не авторы той "шкалы". Эксклюзив здесь в каждом конкретном ее приложении, как в плюс, так и в минус. А приложение семьи Печеников к жизни девочки Тины тянет на объемный плюс. В ширину и в глубину. То есть дальше того дня, когда она выздоровела, а они здесь исполнили свой врачебный долг. И глубже, чем полезное им потом применение способностей девочки.

Эксклюзив Печеников золотым пунктиром прошил не только ее судьбу. Крепкой наметкой продолжился через много поколений абсолютно разных людей. Просто это так устроено. Далеко во времени и пространстве работает только то, что исходит "из глубин печенок". Тонкость в том, что с любым знаком работает. А глаз иногда не успевает различить, в плюс или в минус сейчас крутятся собственные "печенки".

Кстати, на фоне образцов товаров для детей, которые сегодня головокружительно щедры на убранство, наша детская старинная наволочка порой выглядит наивно. Но у нее другая функция. Это просто оберег нашего рода с молодых печенок.

